

Известия, - 2000, - 1 марта - с. 9

Исторические исполнители

Плетнев и Вирсаладзе играют Баха и Шопена

Петр ПОСПЕЛОВ

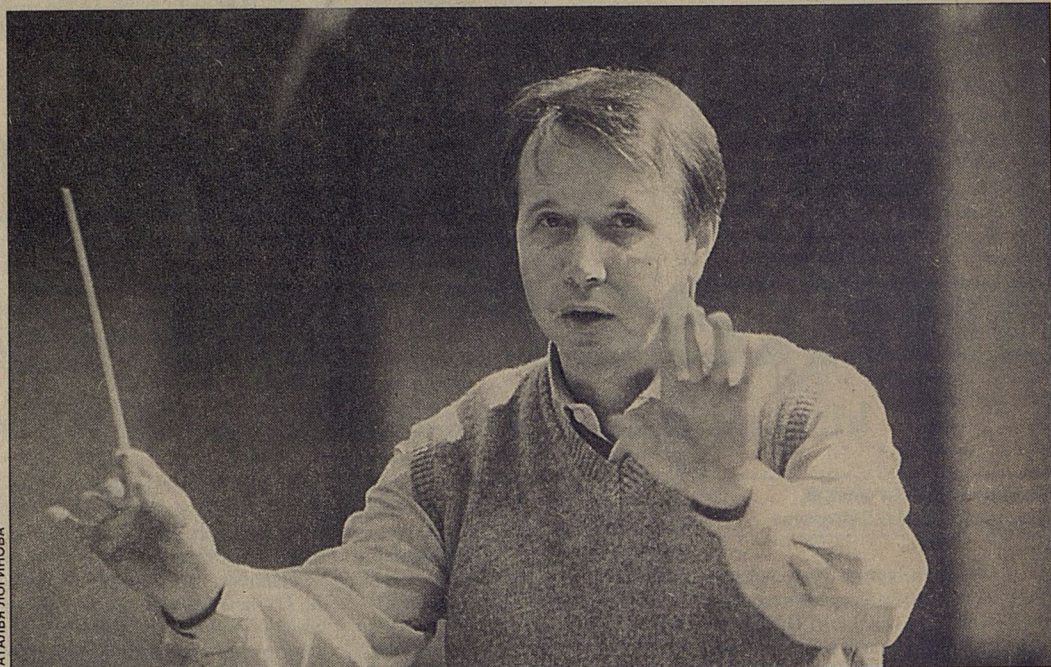
«Неуважаемый господин Пospelов! — написала мне читательница. — Почему вы так ненавидите Михаила Плетнева?»

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Я-то считал, что в худшем случае огорчаюсь его неудачам, если таковые случаются. И то речь идет главным образом о бедах Российского национального оркестра, которым Плетнев более не руководит, но с которым ему иногда приходится делить ответственность за общий результат. В заключение письма, желая мне насолить, читательница ставит тридцать плюсов Плетневу как пианисту. Побывав на последнем концерте Плетнева, добавляю еще тридцать плюсов от себя.

Этот концерт свалился как снег на голову. Вечер в БКЗ оказался свободен из-за войны, которую ведет светлановский оркестр против своего руководителя. РНО занял вакантное время, посвятив его благородной цели — сбору средств на лечение заболевшего товарища. Супердорогой пианист Михаил Плетнев сел за рояль и играл бесплатно; ему на помощь пришел Александр Рудин, руководитель оркестра «Musica viva», — встал за дирижерский пульт.

В этом году исполняется 250 лет со дня смерти Баха; основные события, связанные с приездом немецких певцов и дирижеров, еще впереди. Плетнев же сыграл того Баха, который как будто был у нас всегда — ре-минорный и фа-минорный Концерты, играные многими, в том числе Рихтером. Сейчас мир полон иным Бахом: аутентичное исполнение из радикальной идеи превратилось в мейнстрим, играть Баха на рояле — нонсенс, атавизм. Плетнев играл на рояле, причем безо всякого вызова современным догмам, и доказал, что хоронить фортепианного Баха — непозволительное легкомыслие.

Как бы ни очаровывало звучание исторических инструментов

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

Михаил Плетнев дирижировал шопеновским вечером Элисо Вирсаладзе

и клавесина, оно не заменит фортепианной кантлены (вторая часть фа-минорного Концерта у Плетнева — подарок сезона). Рояль напоминал о Гульде, о Рихтере и Юдиной. О том, что времена изменились. Мужество и подвижность, которые обрел в Бахе послевоенный модернизм, не утратили цены, но и не спасли от разочарований. В игре Плетнева опустошенность и улыбка — родные сестры; так после паники хочется выйти на воздух и сделать зарядку. Оркестр, сведенный до камерного состава, мог лишь сопутствовать задору плетневских пальцев и покорно подчиниться скромной роли аккомпаниатора.

Днем позже в зале консерватории, снова переполненном, давала концерт Элисо Вирсаладзе. Не все, возможно, знали, что пианистка перенесла болезнь руки, отсюда — вынужденный простой, из которого вышла без потерь. Не все слышали ее недавнее изуми-

тельное выступление с квартетом имени Бородина. Но ясно одно — в качестве, серьезности и целомудрии послания можно было не сомневаться.

В прошлом году исполнилось 150 лет со дня смерти Шопена. Раздумывая о том, как лучше отметить дату, критик из «Нью-Йорк таймс» Бернард Холланд предположил, что лучшим подарком Шопену было бы полное годичное воздержание от исполнения его музыки в концертах и по радио. Только после карантина можно будет рассчитывать на некоторое освежение восприятия его забланных и заезженных ноктюрнов, полонезов, вальсов, фантазий и сонат.

Именно их и играла Элисо Вирсаладзе. Американский критик в своей теории учел все, кроме одного: Шопен — советский интеллигентский миф, родившийся на страницах «Охранной грамоты» Пастернака, материализовавшийся в Нейгаузе-стар-

шем и Нейгаузе-младшем и погибший с разделом наследниками переделкинских дач. Вирсаладзе — хранительница этого мифа. На мифологическое наследие она не посягает, но и не желает с ним спорить. Ее Шопен — совершенный цветок, растущий единственно из нотного текста. Питательная атмосфера салона или эстрады, аутентичная Шопену, ему совершенно не нужна. Как Плетневу не нужны парик и клавесин.

Странное дело: оба артиста рассказали нам о тех пространствах, что существуют за пределами зоны их искусства. А что если там-то и живут Бах и Шопен? А то, что мы слышали, — это поучительные картины современного опыта, вышедшего за рамки человечности у Плетнева (ох, опять попадет мне от читательницы) и все еще человеческого у Вирсаладзе. И звучали они так, что общепонятный язык музыки становился языком нашей истории.